

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Д40

Серия «Детектив-exclusive»

P.D. James

INNOCENT BLOOD

Перевод с английского Ю. Моисеенко

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Greene and Heaton Ltd., Literary Agency и Andrew Nurnberg.

Джеймс, Филлис Дороти.

Д40 Невинная кровь : [роман] / Филлис Дороти Джеймс ; [пер. с англ. Ю. Моисеенко]. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 416 с. — (Детектив-exclusive).

ISBN 978-5-17-110665-2

Филиппа, прелестная приемная дочь знаменитого ученого, стала наконец взрослой — и сделала шокирующее открытие...

Ее настоящая мать — убийца.

Правда, убийство она совершила много лет назад и вот-вот выйдет из заключения...

Но некоторые преступления невозможно забыть или простить. И пока Филиппа строит планы встречи с матерью, на поиски этой же женщины отправляется — с совсем иными целями — еще один человек.

Тот, кто решил посвятить себя мести и не остановится ни перед чем, чтобы расквитаться с убийцей невинного ребенка — своей маленькой дочерью...

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

© P.D. James, 1980

 Школа перевода В.Баканова, 2006

© Издание на русском языке

AST Publishers, 2018

ISBN 978-5-17-110665-2

Содержание

Книга первая. УДОСТОВЕРЕНИЕ ЛИЧНОСТИ	7
Книга вторая. ПРИКАЗ ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ	168
Книга третья. АКТ НАСИЛИЯ	301
Книга четвертая. ЭПИЛОГ	406

Все герои этой книги являются
плодом художественного вымысла и не имеют
ничего общего с реальными людьми

Книга первая
УДОСТОВЕРЕНИЕ ЛИЧНОСТИ

1

Социальная работница оказалась старше, чем она ожидала; видимо, безвестный чиновник, занимавшийся делами подобного рода, решил, что седеющие волосы и округлости с намеком на приход менопаузы внушат спокойствие усыновленным некогда взрослым, которые приходили за непременной консультацией. В конце концов, они и впрямь нуждались в определенном утешении, эти перемещенные лица с приказом суда вместо родительской пуповины, иначе с какой же стати одолевать волокиту чиновников ради клочка бумаги?

Соцработница ободрила клиента профессиональной улыбкой.

— Меня зовут Наоми Хендерсон, а вы — мисс Филиппа Роуз Пэлфри. Боюсь, для начала придется попросить какой-нибудь документ, удостоверяющий вашу личность.

«Филиппа Роуз Пэлфри — это всего лишь имя, — едва не слетело с уст посетительницы. — Я для того и явилась, чтобы...»

К счастью, девушка вовремя опомнилась. Не хватало еще сорваться в самом начале беседы. Обе прекрасно знали, зачем она пришла. И разговор обязательно должен потечь, как хочется Филиппе... Но вот как именно? Посетительница расстегнула пряжку наплечной кожаной сумочки, молча протянула паспорт и новенькие права.

Усилия настроить клиентов на благодушный лад сказались даже на обстановке кабинета. В комнате был громоздкий, казенного вида стол, однако мисс Хендерсон вышла из-за него, как только услышала о приходе Филиппы, и тут же пригласила ее к виниловым креслам, размещенным по обе стороны от низкого столика. Представьте себе: на его поверхности даже стояли цветы. Синяя вазочка с надписью «Подарок от Польперро» и пестрый букет роз. Причем не какие-нибудь лишенные аромата и шипов тугие бутоны из витрины флориста, но хорошо знакомые девушке по садам Кальдекот-Террас, «суперзвезда», «альбертина». Полностью раскрытые, они роняли яркие лепестки, и лишь в глубине букета затерялось несколько твердых почек с потемневшими краями, которым уже не суждено было распуснуться. Филиппе пришло в голову: а не принесла ли их сама хозяйка кабинета? Что, если дама давно удалилась на пенсию и вызвана сюда исключительно ради такого случая? В этих грубых башмаках и рабочем костюме из твида ее нетрудно вообразить склонившейся над грядкой с тяжелыми розами, которые и без того не пережили бы короткий лондонский день. Кто-то явно перестарался при поливе. Между желтыми лепестками блестела молочная капля, по крышке стола расползлось пятно. Впрочем, поддельный махагон от воды ничуть не пострадал. Вместо садо-

вой свежести розы благоухали приторной влагой. Уютные виниловые кресла никак не располагали к уюту. Улыбка, что призывала к покою и доверию, заметно отдавала официальной любезностью — раздел двадцать шестой, год тысяча девятьсот семьдесят пятый, акт об усыновлении.

Поутру девушка изрядно потрудилась над своим внешним видом, переделывая себя по собственному же образу и подобию. Прежде всего посетительнице хотелось показать миру, что предстоящая беседа ничуть не обеспокоила ее, не выбила из колеи. Подумаешь, очередной визит в чиновничью контору!.. Пышные волосы, успевшие выцвести на солнце так, что пряди переливались разными оттенками золота, Филиппа зачесала с высокого лба и завязала тяжелым узлом. Широкий рот с крупной, изогнутой верхней губой и чувственно опущенными уголками остался без помады, зато тщательно наложенные тени на веках подчеркивали самую выразительную черту лица — сверкающие, слегка навывкате, зеленые глаза. Медовая кожа блестела капельками пота. Не желая прибывать слишком рано, девушка задержалась в садах на набережной, и в конце концов пришлось торопиться. Сандалии, вельветовые брюки, бледно-зеленая хлопковая блуза с широким воротом — дескать, ни деньги, ни положение в обществе меня не особенно трогают — двусмысленно сочетались с украшениями, которые посетительница надела как талисманы: золотыми часами на цепочке, большими викторианскими кольцами (топаз, оливин, сердолик) — и кожаной итальянской сумочкой на левом плече. Подобная странность бросалась в глаза. Восьмые именины стали самым ранним воспоминанием Филиппы, к тому же она была незакон-

норожденной, что избавляло девушку от необходимости ханжески поклоняться предкам, оглядываться на чье-либо мнение, сдерживать собственные творческие порывы при уходе за внешностью. В итоге она породила своеобразное, даже странноватое, но уж никак не заурадное впечатление.

Перед мисс Хендерсон лежала раскрытая папка посетительницы — новенькая и аккуратная. Бегло взглянув через стол, Филиппа признала часть содержимого: оранжевый и коричневый листки правительственной информации, копии которых она получила в бюро консультации населения северного Лондона — там, где у девушки не было знакомых, — и свое письмо пятинедельной давности, отправленное в генеральную регистратуру сразу же после восемнадцатого дня рождения: в нем она запрашивала анкету заявления, первый документ на пути к получению желанного удостоверения личности. Копия самого заявления, разумеется, тоже прилагалась. Белоснежное письмо, пришпиленное к бюрократической папке, резало глаза. Его-то и взяла двумя пальцами мисс Хендерсон. Интересно, что ее смущает? — подумала Филиппа. Адрес? Отменное качество бумаги, на которой напечатана копия? Скорее всего — фамилия приемного отца, Пэлфри. Учитывая неутомимую саморекламу Мориса, поток социологических публикаций из его ведомства, соцработница просто не могла не слышать этого имени. Любопытно, прочла ли она его «Теорию и приемы консультирования: пособие для практикующих»? И если да, помогает ли повышать самооценку клиентов — этих священных коров социальной работы — его остроумное истолкование

разницы между развивающим консультированием и гештальттерапией?

— Пожалуй, — произнесла мисс Хендерсон, — для начала следует оговорить границы, в которых я смогу помочь. Многое вам наверняка известно, однако не мешает сразу все прояснить. Детский акт семьдесят пятого года внес ощутимые поправки в закон о правах усыновленных. Теперь по достижении восемнадцатилетнего возраста они при желании могут обращаться в генеральную регистратуру за настоящим свидетельством о рождении: ведь при удочерении вы получили новое, на имя Филиппы Роуз Пэлфри, в то время как первоначальный документ надежно хранился в наших сейфах. Сейчас закон позволяет выдавать подобную информацию. Но упомянутый акт также гласит, что все усыновленные до двенадцатого ноября семьдесят пятого года, то есть до выхода поправки, обязаны прежде пройти собеседование с консультантом. Понимаете, парламент неохотно менял существующее положение, при котором одни родители отдавали, а другие брали детей на воспитание, естественно, подразумевая, что тайна рождения приемного ребенка навсегда останется тайной. И вот сегодня вы приходите за сведениями, получить которые имеете полное право, но мы должны обсудить, как это повлияет на вашу жизнь и судьбы других людей. В конце беседы, если вы все еще будете настаивать, я сообщу ваше первоначальное имя, а также, возможно — хотя не обязательно, — имена ваших биологических родителей и адрес суда, в котором был подписан акт о вашем удочерении. Кроме того, вы получите анкету, по заполнении которой вправе обратиться в генеральную регистратуру за копией свидетельства о рождении.

Все это Филиппа уже слышала, и не раз.

— Да-да, — вмешалась она. — Это обойдется мне в два с половиной фунта. Довольно дешево, не находите? Я читала вашу брошюрку.

— Значит, все ясно. Разрешите спросить, когда вы впервые задумали выяснить свое происхождение? Судя по указанной дате, заявка была подана сразу же, как только вам исполнилось восемнадцать. Что это — внезапный порыв или вы размышляли об этом некоторое время?

— Акт семьдесят пятого вышел в свет, когда мне едва исполнилось пятнадцать. Я как раз оканчивала среднюю школу и, понятное дело, не слишком забивала себе голову юридическими подробностями. Но про себя решила: вырасту — и все узнаю.

— Вы обсуждали это с приемными родителями?

— Нет. У нас не очень-то разговорчивая семья.

Мисс Хендерсон пропустила замечание мимо ушей.

— А что именно вы собираетесь делать? Всего лишь выяснить, кто ваши родители, или же заняться их поисками?

— Прежде всего — надеюсь узнать, кто я такая. От имен, проставленных на бумажке, не много толка — может статья, оно там вообще одно. Ясно, ведь я незаконнорожденная. Прежние поиски ни к чему не привели. Известно, что моя мама скончалась, ее уже не отыскать. И все равно хотелось бы выяснить, кем она была. Вдруг я найду своего отца? Он, конечно, тоже мог умереть, но я почему-то уверена, что это не так. Внутренний голос подсказывает: он еще жив.

Филиппе нравилось мечтать; правда, обычно ее грезы хоть немного основывались на реальности. Но эта — отрицала законы времени, поэтому была

совершенно особенной, невероятной, а главное, обладала притягательной силой, словно древняя религия, допотопные ритуалы которой, усыпляюще знакомые и бессмысленные, все же странным образом свидетельствуют о вечных истинах. Девушка уже и не помнила, почему вопреки логике упорно продолжала рисовать себе сцену из девятнадцатого века, хотя сама родилась в тысяча девятьсот шестидесятом году. Вот ее мать в костюме горничной викторианской эпохи, под гофрированным кокошником, юная, бледная, как тень, замирает у высокой ограды в розовом саду. А вот отец в элегантном фраке, похожий на римского бога, нисходит с террасы, шагает по широкой аллее под тихий плеск фонтанов. По роскошному травяному склону, залитому медовыми лучами предзакатного солнца, важно расхаживают павлины. Две тени сливаются в одну. Черноволосая голова страстно склоняется над сияющими золотыми кудрями.

— Любимая, любимая! Выходи за меня.

— Не могу. Ты же знаешь, что я не могу.

Со временем Филиппа привыкла воображать наиболее дорогие сердцу сцены перед сном, и грезы слетали на нее в метели благоухающих розовых лепестков. Поначалу отец являлся ей в красно-золотом мундире, со знаками отличия на груди и звонкой шпагой на боку. С возрастом девушка решила, что это уже чересчур. Бравый солдат и любитель гончих превратился в образованного аристократа, однако суть картины не изменилась.

По лепестку желтой розы тихо сползала крупная капля; посетительница зачарованно засмотрелась на нее: неужели сорвется, упадет?.. Ой, надо бы послушать, что там говорит мисс Хендерсон.

— А ваша мать, чем она занимается?

— Моя приемная мать готовит еду.

— Так она повариха? — переспросила соцработница с оттенком пренебрежения в голосе. — Это ее профессия?

— Нет, готовит еду для мужа, гостей и для меня. Еще она заседает в суде по делам несовершеннолетних, но, по-моему, это все так, чтобы доставить удовольствие моему приемному отцу: он всегда считал, что у женщины должна быть работа, если это не в ущерб его собственному комфорту. А вот еда — ее настоящий конек. Думаю, мать могла бы стать профессионалкой, хотя и не кончала ничего, кроме вечерней школы, а до свадьбы работала секретаршей у моего отца. Я хочу сказать, кухня — увлечение всей ее жизни.

— О, ваша семья от этого только выиграла, верно?

Филиппа смерила соцработницу холодным взглядом. Долго же, должно быть, дамочка отработывала свой ненавязчиво-покровительственный тон: уж слишком легко он ей давался. Ничего, посетительнице это даже на руку.

— Да, мы с приемным отцом просто обжоры. Хорошо хоть, вес не набираем.

Девушка гордилась своим аппетитом — за столом и в жизни. Неразборчивостью здесь и не пахло, ведь они с отцом выбирали только лучшее, а кроме того, подобное потворство собственным прихотям не заставляло краснеть или извиняться. В отличие от секса чревоугодие не затрагивает интересы других людей и не связано с насилием, разве что над собственным телом. Требовательность в еде и питье доставила Филиппе немало приятных минут, ибо,

кроме всего прочего, не была простым подражанием Морису (даже он, отъявленный гурман, едва ли сумел бы с такой легкостью распробовать восхитительный букет кларета), ведь утонченный вкус можно лишь унаследовать. Вот, например, на семнадцатый день рождения... На столе три бутылки, этикетки скрыты под оберткой. А Хильда — сидела она за столом или нет? Наверняка сидела, все-таки семейное торжество, однако в воспоминаниях девушки они с Морисом праздновали вдвоем. И он промолвил:

— Скажи, что тебе ближе. Только не надо пышных дифирамбов, вырази это своими словами. Я хочу знать, что ты думаешь.

Филиппа снова попробовала вина, смакуя во рту каждый глоток и запивая «образцы» водой. Глаза приемного отца вызывающе блестели. Кажется, она все делает правильно.

— Вот это.

— Почему?

— Не знаю, просто понравилось.

Но нет, он ожидает более развернутого суждения. Хорошо же.

— Вероятно, потому что здесь вкус неотделим от запаха и того, что чувствует язык. Единство трех наслаждений.

Она поняла сразу, что нашла верный ответ. Еще один тест успешно пройден, девушка поднимается на новую ступень. По закону Морис не вправе совсем отвергнуть ее, отослать обратно. Тем важнее доказать, что он не ошибся с выбором, оправдать его крупные денежные вложения, все до пенни. Хильда, сама работавшая на кухне часами, ела и пила скудно. В основном она с жадной тревогой